НѢЖИНЪ.

(Посв. И. И Шкодѣ.)

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!

Göthe.

Такъ вѣкогда гуляхъ и я....

А. Пушкинъ.

Нѣжинъ! сколько воспоминаній соединено для меня съ именемъ этого уѣзднаго городка, въ которомъ пронеслись лучшіе мои годы, — годы молодости....

Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара,
Какъ ваша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья.
И этой чары драгоцѣнной,
Нашъ лучшій жизненный фіалъ,
За всѣ сокровища вселенной
Никто изъ васъ бы не отдалъ!

Каждый разъ, когда мнѣ случается подъѣзжать къ Нѣжину, какое-то особенно-пріятное чувство овладѣваетъ мною; тысячи воспоминаній возникаютъ въ душѣ, тысячи мыслей толпятся въ умѣ, тысячи разнородныхъ чувствъ волнуютъ кровь и стѣсняютъ сердце....

Здѣсь, въ этомъ городкѣ, я началъ жить, началъ мыслить, началъ наконецъ изучать жизнь и узнавать людей, —

И вскрылась дивная картина
Моимъ испуганнымъ очамъ,

говоря словами Губера.

Здѣсь я впервые испыталъ дружбу и любовь. Увы! оно минуло, это счастливое время,

Когда въ родимомъ краѣ,
Въ бесѣдкѣ надъ Остромъ,
И я мечталъ о раѣ,
О раѣ неземномъ, —

мечталъ — и надѣялся!...

Вихремъ мчатся кони; колокольчикъ заливается. Уже недалеко до Нѣжина. Какъ блѣдные призраки подымаются на горизонтѣ стрѣльчатыя его колокольни. Уже застава далеко за мною; уже я несусь

По живой мостовой,
Каковыхъ не найдется на свѣтѣ;

и знакомые фонарные столбы мелькаютъ передъ моими глазами.

Вотъ почта; вотъ Богоугодное заведеніе; вотъ та вывѣска магазина, надъ которою мы изощряли свое юное остроуміе; вотъ и знакомый винный погребъ; вотъ и цырульня, хозяинъ которой меня стригъ, и, признаться, прескверно, хотя и увѣрялъ всѣхъ, что не въ чемъ не уступаетъ петербургскимъ парикмахерамъ; вотъ лавки, площадь, кандитерская съ лаконическою надписью надъ дверьми: *Неминай;* а вотъ и знакомый домъ. Кто-то живетъ въ немъ теперь?

Долго глядѣлъ я на этомъ знакомый мнѣ домъ и мнѣ стало грустно.

Уже вечерѣло.

Западъ вспыхнулъ огнемъ:
За сосѣднимъ холмомъ
Догаралъ, такъ роскошенъ и нѣженъ,
Умирающій день....
И вечерняя тѣнь
Осѣняла безжизненный Нѣжинъ.
Огоньки кое-гдѣ....
Но какъ пусто вездѣ
На пристанищахъ Нѣжина-града!
Все заснуло кругомъ,
Лишь подъ чьимъ-то окномъ
Зазвучала, вдали, серенада;
Да извощикъ домой
Проѣзжалъ стороной....

Словомъ, все было по прежнему, какъ будто я никогда не оставлялъ Нѣжина.

Пріѣхавъ въ городъ, я, по обыкновенію, остановился въ гостинницѣ «Неминай», гдѣ меня встрѣтили знакомыя лица, отвели зна-

комый нумеръ, окнами на городскую площадь, и куда, черезъ десять минутъ, явился знакомый факторъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Нѣжинъ, одинъ изъ многолюднѣйшихъ и красивѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Россіи, вполнѣ заслуживаетъ ту извѣстность, которою онъ пользуется въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Русскаго царства.

Славѣ его много способствовали три особенныя обстоятельства, которыя собственно и поставили его въ ряду замѣчательнѣйшихъ городовъ Россіи,—потому что по своему географическому положенію онъ никогда не могъ бы сдѣлаться важнымъ ни въ военномъ, ни въ торговомъ отношеніи, между тѣмъ какъ его слава именно и есть слава военная и торговая.

Эти три обстоятельства были слѣдующія: 1) Его старинная значительность между городами малороссійскими, пріобрѣтенная имъ случайнымъ переименованіемъ его въ казачій полковой городъ; потому что, находясь на совершенно ровномъ мѣстѣ, онъ не могъ быть важнымъ въ стратегическомъ отношеніи, подобно другимъ городамъ малороссійскимъ, бо́льшею частью выстроеннымъ на горахъ. 2) Обширная торговля нѣжинскихъ грековъ, поселившихся въ немъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, даровавшемъ имъ особенныя права и преимущества и, между прочимъ, право безпошлинной торговли, подтвержденное, впослѣдствіи, императоромъ Петромъ Великимъ. Съ того времени имя нѣжинскихъ грековъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи; а торговля ихъ приняла огромные размѣры; и наконецъ 3) учрежденіе въ немъ княземъ Безбородко — Лицея, изъ котораго уже вышло много замѣчательныхъ людей, пріобрѣтшихъ извѣстность на поприщѣ ученомъ и литературномъ.

Къ тому же Нѣжинъ былъ мѣстомъ рожденія многихъ знаменитыхъ русскихъ людей. Здѣсь родились: Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій и блюститель патріаршаго престола, почтенный тогдашнею Кіевскою Академіею титуломъ Лавроноснаго Стихотворца (Poeta laureatus); творецъ «Исторіи Руссовъ» Георгій Конискій, архіепископъ бѣлорусскій, о чемъ онъ упоминаетъ даже въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, начинающемся словами:

Градъ Нѣжинъ колыбель, а Кіевъ мой учитель....

Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ московскій, убитый въ Москвѣ чернью, во время бывшей тамъ въ 1771 году чумы; генералъ-фельдмаршалъ князь П. Х. Витгенштейнъ — герой незабвеннаго двѣнадцатаго года, и другіе.

Происхожденіе и значеніе слова Нѣжинъ объяснить трудно и даже едва ли возможно, хотя ученые корнесловы и трудились надъ

этимъ, что можно заключить изъ отрывка профессорской лекціи, помѣщеннаго покойнымъ Гребенкою, вмѣсто эпиграфа, къ одной изъ его повѣстей, посвященныхъ воспоминанію Нѣжина.

«Не думайте, господа — говоритъ ученый профессоръ — чтобы Нѣжинъ происходилъ отъ нѣги, то есть отъ нѣжности или изнѣженности: думать подобнымъ образомъ болѣе или менѣе не основательно. Напротивъ отъ низкаго своего положенія назывался городъ Низенъ, въ послѣдствіи Ниженъ, далѣе Нишенъ, наконецъ и вышло — Нѣжинъ.»

Несмотря на все остроуміе и даже вѣроятность этого ученаго вывода, потому что Нѣжинъ дѣйствительно стоитъ на болотѣ, я долженъ, къ сожалѣнію моему, сказать, что онъ никогда не назывался Низеномъ и тѣмъ болѣе Нишеномъ, что могутъ засвидѣтельствовать наши покойные лѣтописцы, — а былъ извѣстенъ совсѣмъ подъ другими именами, которыя нисколько не намекаютъ на низменное его положеніе.

Основаніе Нѣжина должно отнести къ глубокой древности, потому что онъ, подъ именемъ Унѣжема, былъ уже извѣстенъ и даже пользовался нѣкоторою значительностью при Ярославѣ Мудромъ и его преемникахъ.

Подъ 1078 годомъ лѣтописецъ Несторъ снова упоминаетъ о немъ, но уже подъ именемъ Нѣжатина. Здѣсь въ этомъ году на Нѣжатиной Нивѣ произошла кровопролитная битва между великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ и его племянниками Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ, стоившая жизни первому и рѣшившая участь послѣднихъ.

Возсѣвъ вторично на великокняжескій престолъ, Изяславъ раздѣлилъ со Всеволодомъ Русь на двѣ половины, не давъ удѣловъ своимъ племянникамъ. Этотъ раздѣлъ произвелъ новое междоусобіе. Олегъ и Борисъ рѣшились искать счастія оружіемъ. Нанявъ половцевъ, они вторглись въ предѣлы Черниговскаго княжества, разбили Всеволода и овладѣли Черниговомъ. Узнавъ о случившемся, Изяславъ поспѣшилъ къ брату на помощь и на Нѣжатиной Нивѣ сошелся съ войсками своихъ племянниковъ. Устрашенный многочисленностью войскъ соединившихся съ Изяславомъ князей, Олегъ совѣтовалъ Борису вступить въ мирные переговоры, на что гордый Борисъ отвѣчалъ съ презрѣніемъ: «дѣлай что хочешь, а я одинъ съ ними (*дядями*) управлюсь!», устремился на непріятеля и заплатилъ жизнію за свое высокомѣріе. Во время этого нападенія, произведеннаго конницею Бориса на войска Изяслава, великій князь находился среди пѣхоты и, ободряя ее личнымъ своимъ мужествомъ, бился въ переднихъ рядахъ. Въ это время непріятельскій всадникъ ранилъ

его смертельно копьемъ въ плечо. Изяславъ мертвый упалъ на землю. Ожесточенные смертью своего великаго князя, кіевляне ударили на дружину Олега, и вскорѣ тихіе берега Остра огласились крикомъ побѣды: войска Олега были разбиты совершенно и бѣжали въ Тьмутаракань (*).

Съ 1078 года ни въ одной изъ нашихъ лѣтописей не упоминается болѣе о НѢжинѣ, до самого того времени, когда казаки вступили въ борьбу для защиты своего отечества отъ притѣснителей-поляковъ.

Вѣроятно, во время бѣдствій татарскаго ига онъ подвергся равной участи съ другими городами юго-западной Россіи и остался неважнымъ мѣстомъ.

Испытывая всѣ политическіе перевороты, которымъ подвергалось Черниговское княжество, НѢжинъ около 1320 года достался князьямъ литовскимъ; а въ 1386, при соединеніи великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ, былъ присоединенъ къ Польшѣ.

Съ началомъ казачества имя его перемѣнившееся въ имя НѢжинъ, является снова на страницахъ нашихъ лѣтописей и становится на ряду главнѣйшихъ городовъ Гетманщины. Именно: сначала онъ является сборнымъ мѣстомъ цѣлаго округа, а въ 1514 году, при образованіи гетманомъ княземъ Евстафіемъ Рожинскимъ изъ куреней и околицъ двадцати казачьихъ полковъ, переименовывается въ полковой городъ.

Богданъ Хмѣльницкій, раздѣляя Малороссію на полки, по примѣру Рожинскаго, назначилъ полкъ и въ НѢжинѣ, гдѣ, по свидѣтельству Конискаго (**), при тогдашнемъ полковникѣ Прокопѣ Шуменкѣ, было уже 1,200 реестровыхъ, или выборныхъ казаковъ, не считая другихъ обывателей города. Въ то время НѢжинъ былъ хорошо укрѣпленный городъ, и въ немъ находился магистратъ, состоявшій изъ членовъ избираемыхъ обществомъ, подъ предсѣдательствомъ войта, назначаемаго самими королями. Магистрату подчинялись всѣ жители города по тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ, которыя производились и рѣшались на основаніи магдебургскаго права.

Единственнымъ письменнымъ памятникомъ владычества Польши въ НѢжинѣ осталась только подлинная грамота короля Іоанна-Казиміра, въ которой помѣщена также и грамота отца его Сигизмунда III, и подтвержденіе этой грамоты, сдѣланное братомъ Казиміра,

(*) См. «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, томъ II, стр. 82 и 83.

(**) См. его «Исторію Русовъ», стр. 104.

Владиславомъ IV. Это — жалованная грамота на магдебургское право, которымъ въ то время пользовались почти всѣ украинскіе города.

Впослѣдствіи привилегіи, данныя городу польскими королями, были подтверждены царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ и императоромъ Петромъ Великимъ, а также и всѣми гетманами, что̀ сдѣлалъ и Иванъ Мазепа, универсаломъ 1697 года, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «что мѣсто Нѣжинское изъ среди иныхъ Малороссійскихъ мѣстъ есть знатное, и съ начала своего добрыми и прибыльными правами къ счастливому житію людскому листовно утверждено.»

8 января 1654 года Малороссія, по договору Богдана Хмельницкаго, присоединилась къ своему древнему отечеству — Великой Россіи, и съ тѣхъ поръ Нѣжинъ вошелъ въ составъ городовъ Русскаго царства.

27 мая 1659 года, подъ стѣнами Нѣжина, принявшаго сторону Виговскаго, происходило жаркое сраженіе между войсками князя Ромодановскаго и виговцами, кончившееся ничѣмъ; а въ слѣдующемъ году переяславкій полковникъ Цюцюра истребилъ въ немъ пять польскихъ хоругвей (отрядовъ).

Въ это время Нѣжинъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Малороссіи, что̀ можно заключить изъ того, что въ 1663 году былъ назначенъ въ немъ общій съѣздъ для выбора гетмана, кончившійся, 18 іюня, шумнымъ и кровавымъ избраніемъ Брюховецкаго. Между многими тогдашними претендентами на гетманство былъ и герой Смоленска, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко. Но такъ какъ властолюбивый Брюховецкій не любилъ совмѣстничества, то онъ, тотчасъ же по своемъ избраніи, велѣлъ взять его подъ стражу и, заковавъ въ цѣпи, посадилъ въ тюрьму, гдѣ черезъ нѣсколько времени приказалъ своимъ запорожцамъ отрубить ему голову.

Въ 1668 году Нѣжинъ былъ занятъ войсками князя Ромодановскаго. Въ 1712 году, когда въ Малороссію былъ введенъ корпусъ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, для расположенія въ восьми главнѣйшихъ ея городахъ постоянныхъ гарнизоновъ, то выборъ палъ и на Нѣжинъ, какъ на одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ полковыхъ городовъ. Именно, онъ раздѣлялся въ то время на двадцать сотенъ: 1, 2 и 3 Полковыя, Лашевскую, Иванъ-Городскую, Короповскую, Воронежскую, Глуховскую, Новомлинскую, Борзенскую, Бахмутскую, Королевецкую, Батуринскую, Прохорскую, Конотопскую, Мринскую, Шаповаловскую, Воркеевскую, Дѣвицкую и Ямпольскую, въ которыхъ, за исключеніемъ старшинъ и духовенства, считалось:

Казаковъ *грунтовыхъ* и *безгрунтовыхъ*, *мощныхъ* и *убогихъ* 12,819, *посполитныхъ* 16,947 и *подсосѣдковъ* 1,143 (*). Городъ же былъ *земляной* (т. е. обнесенъ землянымъ валомъ), имѣлъ монастырь и семь приходскихъ церквей, изъ которыхъ три были каменныя, — каменные же ряды и даже нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ тамошнимъ грекамъ, изъ которыхъ многіе вели обширную торговлю съ Востокомъ.

Словомъ, до самого открытія намѣстничества въ 1782 году, когда Нѣжинъ сдѣлался обыкновеннымъ уѣзднымъ городомъ, онъ сохранялъ всѣ права и преимущества главныхъ малороссійскихъ городовъ.

Въ настоящее время Нѣжинъ есть уѣздный городъ Черниговской губерніи и находится въ 75 верстахъ отъ своего губернскаго города Чернигова; въ 1179 отъ Санктпетербурга и въ 752 верстахъ отъ Москвы, на большомъ Московскомъ трактѣ, идущемъ изъ Москвы черезъ Орелъ на Кіевъ.

Рѣка Остеръ, разчищенная и превращенная въ каналъ, раздѣляетъ городъ на двѣ неравныя части, которыя соединяются между собою двумя хорошими деревянными мостами, изъ которыхъ одинъ, именно тотъ, который ведетъ къ Лицею, называется Лицейскимъ, а другой — Городскимъ.

Каналъ этотъ, начатый въ 1809 году Комитетомъ, учрежденнымъ въ Нѣжинѣ для расширенія рѣки Остра, былъ оконченъ въ 1812 году. Въ настоящее время деревянная его обшивка обвѣтшала; лѣтомъ каналъ заростаетъ болотною травою, широкіе листья которой почти совершенно скрываютъ отъ любопытныхъ взоровъ неподвижныя воды Остра, о которомъ невозможно сказать, что онъ катитъ свои быстрыя волны, потому что вода въ Остерскомъ каналѣ стоячая.

Нѣжинъ построенъ на совершенно ровномъ мѣстѣ, и потому мѣстоположеніе его нисколько не живописно. Зато сообщенія внутри города незатруднительны, за исключеніемъ весенняго и осенняго времени, когда Нѣжинъ — въ буквальномъ смыслѣ — превращается въ огромную лужу, представляя изъ своихъ улицъ площадь сплошной грязи, о которой нельзя имѣть даже приблизительнаго понятія, не побывавъ въ Нѣжинѣ или въ какомъ нибудь другомъ городѣ южной Малороссіи.

Три главныя его улицы вымощены, за недостаткомъ камня, деревомъ, и ѣзда по нимъ и въ осеннее время возможна; но въ другихъ мѣстахъ обыкновенно на это время ѣзда по городу прекра-

(*) См. «Сборникъ» Кирилова. Книга I, стр. 141.

щается. Народонаселеніе Нѣжина вооружается особеннаго рода калошами, извѣстными между тамошними сапожниками подъ именемъ нѣжинскихъ, и гуляетъ пѣшкомъ по деревяннымъ его тротуарамъ.

Улицъ, по новому плану, составленному въ 1818 году, должно быть 123, изъ которыхъ проведено и очищено только 61. Существуетъ еще 90 переулковъ, которые по плану уничтожаются.

Площадей въ городѣ три, изъ которыхъ ярмарочная приноситъ городу хорошій доходъ.

Въ старину Нѣжинъ владѣлъ гораздо бо́льшимъ пространствомъ земли, нежели теперь, и хотя, по неимѣнію плана и неясности опредѣленія ея границъ въ грамотѣ Іоанна-Казиміра, о которой я упомянулъ выше, нельзя опредѣлить съ точностью, сколько именно въ то время городская земля заключала въ себѣ десятинъ, однако, судя по тому, что рѣчка Дѣвица, находящаяся въ 12 верстахъ отъ города, показана въ числѣ мѣстъ, граничащихъ городскія земли, надо полагать, что онѣ были весьма обширны.

Церквей въ Нѣжинѣ 21; именно: 1 соборная, 9 приходскихъ, 4 монастырскихъ, 1 при Лицеѣ князя Безбородко, 1 при Богоугодномъ заведеніи, 3 кладбищныхъ и 2 греческихъ. Монастырей православныхъ 2: мужескій и женскій, изъ которыхъ первый — Благовѣщенскій, называемый Назаретъ Пресвятыя Богородицы, заложенъ въ 1702 году блюстителемъ патріаршаго престола, знаменитымъ іерархомъ Стефаномъ Яворскимъ, въ память полтавской побѣды.

Благовѣщенскій монастырь находится въ самомъ центрѣ города. Онъ состоитъ изъ двухъ церквей: холодной и теплой, изъ которыхъ первая выстроена по серединѣ монастырскаго двора, обнесеннаго съ двухъ сторонъ высокою каменною стѣною, а съ другихъ двухъ рядами лавокъ, — выходящихъ однимъ фасомъ на большую улицу, изъ дома для настоятеля и келій для братіи.

Сначала преосвященный Стефанъ намѣренъ былъ построить въ Нѣжинѣ одну приходскую церковь; но когда эта церковь была окончена и торжественно освящена, 25 іюля 1716 года, соборомъ архіереевъ, тогда же было положено имя Благовѣщенскую церковь обратить въ монастырь Назаретъ Пресвятыя Богородицы.

Во все продолженіе своей жизни преосвященный Стефанъ не переставалъ благодѣтельствовать имъ воздвигнутому монастырю и даже на смертномъ одрѣ не забылъ о немъ въ своемъ завѣщаніи, которымъ отказалъ ему свою богатую библіотеку, впослѣдствіи перевезенную въ Харьковскій Коллегіумъ.

Въ 1796 году Благовѣщенскій монастырь сгорѣлъ и до начала 1803 года оставался въ развалинахъ. Съ этого года онъ началъ мало по малу возникать изъ пепла, и къ концу 1815 года былъ отстроенъ снова (*).

Изъ рѣдкостей, принадлежащихъ этому монастырю, въ особенности замѣчательны слѣдующія:

1) Часть камня отъ Гроба Господня и отъ пещеры Іоанна Крестителя.

2) Алмазная панагія, въ которой находятся частицы вселенскихъ учителей.

3) Ризы настоятельскія изъ царской порфиры, подаренныя Императоромъ Петромъ Великимъ.

4) Образъ Успенія Богоматери, писанный въ Римѣ въ 1400 году.

5) Образъ Корсунской Богоматери, писанный покойнымъ митрополитомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ.

Кромѣ Благовѣщенскаго монастыря, еще замѣчательны по своей древности: соборная церковь во имя святителя Николая и приходская Успенія Пресвятой Богородицы, существовавшія уже при Петрѣ Великомъ, и греческая церковь, замѣчательная какъ по прекрасной архитектурѣ, такъ и по легкости и вышинѣ своей колокольни, далеко превышающей всѣ остальныя.

Въ полицейскомъ отношеніи городъ раздѣляется на двѣ части, а каждая часть на два квартала.

Въ Нѣжинѣ считается 2,110 домовъ, въ числѣ которыхъ много каменныхъ. Лучшія зданія въ городѣ — казенныя; именно: Лицей князя Безборонко, о которомъ буду говорить ниже, Присутственныя Мѣста — большой двухъ-этажный каменный домъ, выстроенный покоемъ, и Богоугодное Заведеніе — также прекрасное двухъ-этажное зданіе, съ двумя трехъ-этажными флигелями.

Впрочемъ, въ городѣ есть много каменныхъ, двухъ-этажныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Многіе изъ нихъ старинной постройки временъ Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, и даже есть нѣсколько домовъ, существовавшихъ еще при Петрѣ Великомъ, о чемъ упоминается въ одномъ изъ сочиненій того времени, именно: въ «Цвѣтущемъ состояніи Всероссійскаго Государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизрѣченными трудами Петръ Великій», и прочее, извѣстномъ въ ученомъ мірѣ подъ именемъ «Сборника» Кирилова. Дома эти бо́льшею частью принадлежатъ тамошнимъ грекамъ.

(*) См. статью И. Г. Кулжинскаго: «Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь», помѣщенную въ «Маякѣ».

Городского сада въ Нѣжинѣ нѣтъ, вслѣдствіе чего жители города избрали мѣстомъ своихъ прогулокъ греческое кладбище, находящееся на концѣ города, въ прекрасной березовой рощѣ. Зато частныхъ садовъ въ Нѣжинѣ множество; ихъ считается 230, и потому городъ кажется тонущимъ въ зелени. Кромѣ того въ Нѣжинѣ 860 огородовъ.

Всѣ эти статистическія данныя извлечены мною изъ статьи: «Городъ Нѣжинъ», помѣщенной въ одномъ изъ нумеровъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», куда она была сообщена мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, и потому за вѣрность всѣхъ этихъ данныхъ можно поручиться.

Въ настоящее время въ городѣ и его предмѣстіяхъ считается около 20,000 жителей.

Нѣжинъ отличается отъ прочихъ городовъ Черниговской губерніи состояніемъ ремесленной промышленности, которая достигла здѣсь большого развитія. Устройство цеховъ должно отнести къ временамъ польскаго владычества. Къ сожалѣнію, письменныхъ памятниковъ, касающихся этого предмета, не сохранилось. Въ архивѣ Присутственныхъ Мѣстъ находится одна только грамота царя Алексѣя Михаиловича, жалованная не всѣмъ цехамъ, а только одной, такъ называемой Кушнерской управѣ. Еще упоминается о цехахъ въ данной Императоромъ Петромъ Великимъ грамотѣ, которою они оставлялись въ вѣдѣніи магистрата. Теперь въ Нѣжинѣ 12 ремесленныхъ управъ, подчиненныхъ ремесленному главѣ.

Кромѣ того есть еще въ Нѣжинѣ нѣсколько фабрикъ и заводовъ, изъ которыхъ лучшіе: мѣдной посуды для винокурень и сахарныхъ заводовъ и колокольный потомственныхъ почетныхъ гражданъ братьевъ Черновыхъ, и табачная фабрика Гржимайло. А за городомъ есть нѣсколько заводовъ кирпичныхъ и свѣчно-сальныхъ, и одинъ восковой. Произведенія ихъ потребляются бо́льшею частью въ самомъ городѣ, за исключеніемъ завода Черновыхъ, издѣлія которыхъ покупаются не только въ окрестностяхъ, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ.

Купеческихъ капиталовъ въ Нѣжинѣ 50, въ числѣ которыхъ одинъ иногородный. Лавокъ въ городѣ 130, изъ которыхъ купеческихъ 41, остальныя — мѣщанскія. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ братьямъ Куликовымъ, Чепліевскимъ и Черновымъ.

Къ числу другихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній принадлежатъ: вольная аптека, 4 трактира, 5 гостинницъ, изъ которыхъ лучшая подъ вывѣскою «Неминай», 2 кандитерскихъ купца Бѣляева и компаніи и грека Стефанѣева, модный магазинъ, 4 торговыя бани, 4 цырульни и 41 кузница.

Въ прежнее время торговля Нѣжина была обширна. Самымъ блестящимъ періодомъ его торговли было время отъ начала единодержавія Петра Великаго до конца царствованія Екатерины II. Уже тогда, по свидѣтельству современника (*), было «въ томъ городѣ (Нѣжинѣ) купечества много, какъ Черкасъ тамо живущихъ, такъ и пріѣзжихъ Грековъ и Великоросіянъ; а бываютъ ярманки Октября 1 числа, Рождественскаго мясоѣду во всеѣстную, о Троицынѣ днѣ.» Будучи въ то время не въ дальномъ разстояніи отъ границы и таможенной заставы, Нѣжинъ былъ складочнымъ мѣстомъ восточныхъ товаровъ и производилъ значительную торговлю, которою въ особенности занимались поселившіеся въ немъ греки, потомки которыхъ еще недавно, торгуя левантскими и итальянскими товарами, имѣли постоянныя сношенія съ Турціею, Италіею и Архипелагомъ и вывозили оттуда шолкъ, деревянное масло, табакъ, а главное — бакалейные товары, т. е. сушоные и разными способами приготовленные фрукты.

Съ перемѣною границы, по присоединеніи къ Россіи Крыма и Новороссійскаго края, и открытіемъ новыхъ базаровъ для торговли, Нѣжинъ потерялъ свою прежнюю значительность, и торговля его стала слабѣе.

Нынѣшній Нѣжинъ далеко не тотъ, какимъ онъ былъ когда-то.

Съ упадкомъ торговли бо́льшая часть грековъ выѣхала изъ города; ихъ старинные лавки и дома, съ огромными подвалами для складу товаровъ и крѣпкими рѣшотками и ставнями для ихъ охраненія, опустѣли и обвѣтшали; широкія площади перестали застраиваться, въ ярмарочное время, балаганами, и иногородные купцы уже не съѣзжаются больше на его ярмарки. Словомъ, куда ни взглянешь, все окружающее говоритъ о славѣ Нѣжина — прошедшей....

Въ настоящее время въ Нѣжинѣ существуютъ три ярмарки: Всеѣдная, Троицкая и Покровская, изъ которыхъ первая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была весьма значительна по количеству и разнообразію товаровъ, которыхъ обращалось на нѣсколько милліоновъ. Но теперь и она упала.

Нѣжинское купечество торгуетъ мѣдными, желѣзными, красными, суконными, бакалейными и другими товарами, винами, соленою рыбою, солью и хлѣбомъ; но, безъ сомнѣнія, самую важную отрасль ихъ промышленности составляетъ папушный табакъ, разводимый жителями города въ большомъ количествѣ. Купцы, торгующіе табакомъ, собираютъ его какъ въ городѣ, такъ и его окрестностяхъ, складываютъ въ особо для того выстроенныхъ лавкахъ и продаютъ

(*) См Сборникъ Кирилова, книга I, стр. 140.

потомъ пріѣзжимъ купцамъ изъ Риги, Митавы, Петербурга и Москвы.

«Табачная промышленность — говоритъ авторъ статьи «Городъ Нѣжинъ» (*) — составляетъ здѣсь общее хозяйственное занятіе, основана на естественныхъ условіяхъ мѣстности, укоренилась съ давнихъ временъ и составляетъ отличительную черту города.»

Обработываемый жителями табакъ раздѣляется на нѣсколько сортовъ, одинъ изъ которыхъ извѣстенъ въ торговлѣ подъ названіемъ *нѣжинскихъ корешковъ*. Вообще воздѣлываемый въ Нѣжинѣ табакъ, отъ глинистаго грунта, на которомъ его разводятъ, бываетъ желтѣе и нѣжнѣе обыкновеннаго, что̀ доставило ему названіе *жолтаго табаку*, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ торговлѣ. Въ самомъ городѣ собирается табаку до 100,000 пудовъ да здѣшними купцами закупается въ уѣздѣ около 400,000 пудовъ, такъ что, по приблизительному исчисленію, въ Нѣжинѣ продается до 500,000 пудовъ табаку ежегодно.

Къ особенностямъ нѣжинской промышленности надо прибавить еще соленье огурцовъ и маринованье вишень, сливъ, грибовъ и тому подобныхъ продуктовъ. Не буду распространяться о достоинствѣ всѣхъ этихъ соленій и мариноваій, потому что слава ихъ и безъ того довольно громка и не нуждается въ панегирикахъ. Кто ихъ ѣлъ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ отъ нихъ въ восторгѣ, а кто не ѣлъ, такъ по крайней мѣрѣ слышалъ, что подобныхъ огурцовъ не приготовляется нигдѣ въ цѣлой Европѣ. Довольно сказать, что на одной Королевецкой ярмаркѣ сбывается ихъ до 15,000 и болѣе бочонковъ.

Въ числѣ особенностей Нѣжина, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаетъ его Греческое Общество, имѣющее значительныя привилегіи и свой собственный, совершенно отличный отъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, магистратъ. Греки поселились въ Нѣжинѣ около 1656 года и тогда же получили отъ Богдана Хмѣльницкаго, въ числѣ другихъ привилегій, право безпошлинной торговли не только въ Нѣжинѣ, но и во всей Малороссіи. Гетманъ Виговскій подтвердилъ эту привилегію, а Юрій Хмѣльницкій освободилъ ихъ сверхъ того отъ всякаго платежа въ украинскихъ, подольскихъ и литовскихъ земляхъ.

Императоръ Петръ Великій грамотою отъ 11 марта 1710 года подтвердилъ всѣ прежніе гетманскіе универсалы и сверхъ того далъ имъ новыя привилегіи, какъ-то: подчинилъ ихъ церковь и духовенство одному митрополиту кіевскому, разрѣшилъ имъ пріѣзжать и

(*) См. февральскую книжку «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1846 годъ.

уѣзжать во всякое время и освободилъ отъ постоя и подводной повинности. Впослѣдствіи эта грамота была подтверждена Императрицами Елисаветою Петровною и Екатериною II и наконецъ, 29 декабря 1801 года, блаженной памяти императоромъ Александромъ I.

Число грековъ, проживающихъ въ городѣ, съ каждымъ годомъ уменьшается. Въ настоящее время записанныхъ въ Нѣжинскомъ Греческомъ Обществѣ считается 987 мужескаго и 804 женскаго пола душъ, между тѣмъ какъ въ городѣ проживаетъ всего 104 мужчины и 95 женщинъ. Остальные торгуютъ въ Москвѣ, Таганрогѣ, Одессѣ и другихъ городахъ, такъ что теперь можно вездѣ встрѣтить нѣжинскаго грека, между тѣмъ какъ въ прежнее время они находили болѣе выгоднымъ селиться въ Нѣжинѣ, гдѣ пользовались особыми по городу привилегіями.

Причину этого постепеннаго уменьшенія грековъ въ Нѣжинѣ должно полагать, какъ я уже сказалъ выше, въ упадкѣ городской торговли въ продолженіе послѣдняго пятидесятилѣтія.

Нѣжинскіе греки имѣютъ свой собственный магистратъ, въ которомъ рѣшаются всѣ дѣла, касающіяся до Греческаго Общества, исключая уголовныхъ, и изъ котораго приписанные къ Нѣжинскому Обществу греки получаютъ паспорты. Сначала своего учрежденія магистратъ этотъ назывался братствомъ и только Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 1 сентября 1785 года былъ переименованъ въ магистратъ. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ Греческимъ Обществомъ, и содержится насчетъ того же Общества.

Кромѣ того они имѣютъ свое собственное Александровское Греческое училище, которое также содержится изъ пожертвованнаго на этотъ предметъ самимъ же Обществомъ капитала. Капиталъ этотъ, состоящій изъ 86,000 рублей ассигнаціями, положенъ въ Московскую Сохранную Казну, а проценты, получаемые съ этой суммы, употребляются на содержаніе училища.

Этимъ я заключу мой краткій обзоръ Нѣжина и перейду къ Лицею князя Безбородко, о которомъ я нарочно не сказалъ ни слова, чтобы при концѣ поговорить о немъ подробнѣе и тѣмъ заключить свою статью о Нѣжинѣ.

Первымъ дѣломъ моимъ, по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, было съѣздить въ Лицей.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, факторъ, съ быстротою молніи, кинулся изъ комнаты, выбѣжалъ на улицу и скрылся за угломъ. Еще я не успѣлъ прійти въ себя отъ удивленія, причиненнаго его внезапнымъ бѣгствомъ, какъ онъ уже возвратился съ извощикомъ, который за двугривенный взялся доставить меня въ это святилище наукъ.

Слѣзая съ дрожекъ у лицейскаго подъѣзда, я съ любовью взглянулъ на его величественную колоннаду, украшенную гербомъ князей Безбородко, съ фамильнымъ ихъ девизомъ «Labore et zelo», ярко горѣвшимъ на солнцѣ.

Здѣсь получили окончательное воспитаніе извѣстные профессора: Рѣдкинъ, Рославскій-Петровскій и покойный Домбровскій.

Здѣсь же воспитывались: нашъ незабвенный Гоголь, Кукольникъ и Гребенка, Прокоповичъ и другіе болѣе или менѣе извѣстные литераторы.

Мѣсто, на которомъ воздвигнуто зданіе Лицея князя Безбородко, принадлежало прежде фамиліи графовъ Витгенштейновъ. Въ лицейскомъ саду еще до сихъ поръ цѣлъ каменный фундаментъ того дома, въ которомъ родился нашъ знаменитый фельдмаршалъ. Домъ же, при постройкѣ зданія Лицея, былъ перенесенъ въ другое мѣсто, и теперь занятъ одною изъ ученическихъ квартиръ. Отъ Витгенштейновъ вся эта земля, принадлежащая нынѣ Лицею, вмѣстѣ съ домомъ и садомъ поступила въ собственность фамиліи Безбородко.

Вотъ какъ описываетъ это мѣсто и разсказываетъ исторію этого дома ученый профессоръ и корнесловъ:

«Гдѣ мы теперь?—восклицаетъ онъ— что здѣсь было, и было не такъ въ давнемъ времени? — Есть свидѣтели, есть самовидцы, которые знаютъ и разсказать могутъ, что было здѣсь мѣсто, къ увеселенію житейскому садами нѣкогда процвѣтавшее, но послѣ почти безъ призора оставленное; что былъ здѣсь небольшой деревянный домикъ и нѣкоторое вмѣлъ красоты достоинство, а послѣ клонился къ разрушенію, вѣтшалъ и даже обросталъ пустыннымъ мохомъ; что вокругъ его вытягивались изъ земли дикія волчцеобразныя травы, подъ терновидными стеблями коихъ гнѣздились змѣи, проходящимъ страхъ наводившія. Но здѣсь-же однако, прежде таковаго упадка, во время путешествія въ Кіевъ и въ Херсонесъ Таврическій, для встрѣчи тамъ высокаго Гостя Германіи, Екатерина Великая въ ономъ деревянномъ домикѣ принимала и имѣла Царскій покой свой, Царское отдохновеніе.»

Кто думалъ тогда, что на мѣстѣ, освященномъ ея кратковременнымъ пребываніемъ, воздвигнется современемъ незыблемый памятникъ науки, переживающій вѣка.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Илья Андреевичъ Безбородко, разбирая бумаги своего покойнаго брата канцлера князя Александра Андреевича Безбородко, нашелъ записку, въ которой послѣдній завѣщалъ, чтобы, въ продолженіе первыхъ шести лѣтъ по его смерти, изъ доходовъ оставшагося послѣ него имѣнія вносимо было въ Воспитательный Домъ, въ пользу богоугодныхъ заве-

деній, по десяти тысячь рублей, а по истеченіи того срока, въ продолженіе осьми лѣтъ, по двадцати тысячь.

Графъ Илья Андреевичъ, желая исполнить священное для него желаніе брата, разсудилъ, что нигдѣ нельзя употребить ассигнованнаго имъ капитала съ бо́льшею пользою, какъ въ любимомъ имъ Нѣжинѣ, въ которомъ покойный канцлеръ провелъ часть своей молодости, командуя Нѣжинскимъ полкомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что попеченіемъ правительства уже основано въ томъ краѣ довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, онъ счелъ сообразнѣе обратить опредѣленный канцлеромъ капиталъ на заведеніе училища высшихъ наукъ, еще не существовавшаго въ Малороссіи. Съ этою цѣлью графъ Илья Андреевичъ, сверхъ назначенныхъ братомъ его денегъ, уступилъ въ пользу предполагаемаго заведенія принадлежавшее ему въ Нѣжинѣ мѣсто съ садомъ и опредѣлилъ на вѣчныя времена, изъ собственныхъ своихъ доходовъ, по 15,000 рублей ежегодно, обезпечивъ платежъ тремя тысячами душъ крестьянъ въ Малороссіи.

Императоръ Александръ одобрилъ это патріотическое пожертвованіе и повелѣлъ Высочайшимъ указомъ, отъ 29 іюля 1805 года, предположенному училищу въ Нѣжинѣ именоваться Гимназіей высшихъ наукъ князя Безбородко.

Послѣ этого графъ Илья Андреевичъ приступилъ къ постройкѣ зданія Гимназіи, на свой собственный счетъ, которое и было черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно окончено, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь.

Видъ зданія величественъ. Оно выстроено покоемъ, передняя часть котораго представляетъ прекрасную колоннаду, съ широкою лѣстницею въ десять или двѣнадцать ступеней. Постройка его обошлась въ 604,034 рубля ассигнаціями.

Смерть не позволила графу Ильѣ Андреевичу видѣть окончаніе своихъ трудовъ и патріотическихъ предположеній, и уже внуку его и наслѣднику, сыну старшей его дочери, графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, суждено было окончить начатое дѣдами.

Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 19 апрѣля 1820 года, Императоръ Александръ Павловичъ соизволилъ окончательно утвердить существованіе въ Нѣжинѣ Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣлъ графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, какъ представляющему лицо основателя этого заведенія, носить званіе его почетнаго попечителя, а послѣ него имѣть это званіе всегда старшему въ его родѣ.

Наконецъ 4 сентября 1820 года Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко была открыта и ученіе въ ней началось; а 19 февраля 1825 года былъ Высочайше конфирмованъ ея уставъ.

Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко состояла въ то время изъ девяти классовъ, изъ которыхъ шесть первыхъ назывались низшими, а три послѣднихъ — высшими, или студентскими. Въ ней были преподаваемы науки словесныя, политическія, физико-математическія и естественныя. Тогда же былъ учрежденъ при Гимназіи пансіонъ на 150 человѣкъ, въ которомъ, сверхъ того, содержалось 24 воспитанника на счетъ оставленнаго основателемъ ежегоднаго дохода.

Этотъ уставъ дѣйствовалъ до 7 октября 1832 года, когда былъ Высочайше утвержденъ новый, по которому Гимназія высшихъ наукъ была переименована въ Лицей князя Безбородко и преобразована въ трехъ-курсный физико-математическій факультетъ, съ постепеннымъ закрытіемъ классовъ. Наконецъ, въ 1839 году, Лицей былъ окончательно преобразованъ изъ физико-математическаго въ юридическій факультетъ, съ цѣлью распространенія основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства. Сверхъ того учреждена была при Лицеѣ особая гимназія, какъ приготовительное къ поступленію въ Лицей заведеніе.

Первымъ директоромъ Гимназіи высшихъ наукъ былъ статскій совѣтникъ В. Г. Кукольникъ, отецъ извѣстнаго писателя. По смерти его, въ 1821 году, назначенъ былъ на его мѣсто статскій (впослѣдствіи дѣйствительный статскій) совѣтникъ И. С. Орлай, по перемѣщеніи котораго, въ 1826 году, въ Одесскій Лицей, поступилъ сюда директоромъ бывшій генеральный судья Черниговскаго Гражданскаго суда, надворный (впослѣдствіи коллежскій) совѣтникъ, покойный Д. Е. Ясновскій. Въ 1835 году Ясновскій былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто назначенъ директоромъ бывшій профессоръ Харьковскаго университета, надворный (нынѣ дѣйствительный статскій) совѣтникъ Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ.

Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко, существовавшая съ 1820 по 1833 годъ, имѣла первый выпускъ своихъ воспитанниковъ въ 1826 году и съ того времени по 1833 годъ выпустила студентовъ, кончившихъ въ ней полный курсъ, кандидатами, съ чиномъ 12 класса — 42, и дѣйствительными студентами съ чиномъ 14 класса — 26. Лицей князя Безбородко, существовавшій по уставу 7 октября 1832 года, съ 1833 по 1841 годъ выпустилъ всего студентовъ съ чиномъ 14 класса — 160. Лицей князя Безбородко, существующій въ обновленномъ своемъ видѣ съ 1839 года, и имѣвшій первый свой выпускъ въ 1843 году, выпустилъ съ того времени по 1850 годъ, въ званіи лицейскихъ студентовъ, съ чиномъ 12 класса — 31, и съ чиномъ 14 класса — 77. Такимъ образомъ въ 30 лѣтъ своего существованія это учебное заведеніе приготовило къ государствен-

ной службѣ 336 чиновниковъ, не упоминая о тѣхъ, которые вышли изъ заведенія до окончанія полнаго курса.

Въ числѣ учебныхъ пособій Лицея первое мѣсто занимаетъ библіотека, состоящая почти изъ 10,000 томовъ отборнѣйшихъ сочиненій. Основаніемъ ея послужила библіотека, подаренная Лицею, еще въ 1820 году, графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородко и состоявшая тогда всего изъ 2,500 томовъ. Кромѣ того Лицей имѣетъ довольно хорошую картинную галлерею, состоящую изъ 175 картинъ, также подаренную ему, въ 1845 году, графомъ Кушелевымъ-Безбородко, въ память совершившагося тогда двадцати-пятилѣтія его существованія. Она была пріобрѣтена имъ въ разныхъ городахъ Европы и состоитъ изъ 10 картинъ итальянской школы до XVI вѣка, изъ картинъ послѣдующаго времени, школъ: флорентинской 9, римской 12, ломбардской 13, венеціянской 12, неаполитанской 5, генуэзской 16, испанской 15, французской 20, нѣмецкой 20, фламандской 46 и новой русской школы 7. Въ числѣ этихъ картинъ есть много очень хорошихъ, и даже есть нѣсколько этюдовъ знаменитыхъ художниковъ Италіи и Фландріи, какъ-то: Поля Веронеза, Теньера, Ванъ-Остаде и другихъ.

Говоря о замѣчательныхъ вещахъ, принадлежащихъ Лицею, нельзя не упомянуть о столѣ и вольтеровскомъ креслѣ канцлера князя А. А. Безбородко и о превосходномъ гобеленовскомъ коврѣ, также принадлежавшемъ нѣкогда знаменитому канцлеру. Всѣ эти вещи находятся въ такъ называемыхъ графскихъ комнатахъ, предназначенныхъ для пріѣзда г. почетнаго попечителя Лицея. Этотъ простой, дубовый столъ и это кресло съ шестью или осмью выдвижными ящичками, обитое чернымъ сафьяномъ, были любимою кабинетною мебелью знаменитаго дипломата Екатерины II и, слѣдовательно, свидѣтелями его неусыпныхъ трудовъ. На этомъ столѣ были написаны имъ тѣ акты и договоры съ иностранными государствами, которые доставили ему славу и значеніе.

Огромный гобеленовскій коверъ, о которомъ я упомянулъ выше, поступилъ въ собственность Лицея при его открытіи. На немъ представленъ сонъ Танкреда въ волшебномъ саду Армиды. Рисунокъ его превосходенъ, а ткань такъ тонка и цвѣта такъ нѣжны, что даже вблизи онъ кажется нарисованнымъ, а не вытканнымъ. Этотъ превосходный коверъ оцѣненъ въ 40,000 рублей ассигнаціями, что уже отчасти можетъ свидѣтельствовать о красотѣ его рисунка и нѣжности ткани.

Я кончилъ, передавъ здѣсь все, что зналъ о Нѣжинѣ, и ручаясь за фактическую вѣрность сообщенныхъ мною свѣдѣній.

Вездѣ, куда судьба меня ни заносила: и на берегахъ Буга, и въ цвѣтущей Подоліи, и подъ прекраснымъ небомъ Венгріи, — вездѣ и всегда любимѣйшимъ предметомъ моихъ воспоминаній былъ Нѣжинъ. Едва я задумывался, какъ уже предо мной возникали знакомые образы, знакомый домъ, знакомая комната окнами въ садъ. И чудилось мнѣ, что я снова въ Нѣжинѣ, снова въ этой комнатѣ. Смеркалось. Воздухъ былъ наоенъ запахомъ черемухи. Развѣсистыя яблони по прежнему заглядывали въ окна и при малѣйшемъ порывѣ вѣтра чуть слышно царапали по ставнямъ своими неуклюжими сучьями, сгибаясь подъ тяжестью фруктовъ, окрашенныхъ пурпуромъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Все было тихо. Только далекій лай сабаки да чириканье воробьевъ въ сосѣднемъ огородѣ доносились до чуткаго слуха....

Дорогія воспоминанія! Безъ васъ жизнь была бы

.. .... какъ ровный путь безъ цѣли.

Старость живетъ воспоминаніями своего прошедшаго, когда все, по словамъ стариковъ, было лучше. Такъ и Нѣжинъ: вся его слава въ прошедшемъ! Онъ устарѣлъ — ему остались воспоминанія.

Въ былое время онъ не разъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ шумные съѣзды малороссійской знати; не разъ вокругъ него кипѣли кровавыя сѣчи, и стѣны его выдерживали продолжительныя осады; а нынѣ? нынѣ онъ славится

..... обширной торговлей не только
Разныхъ родовъ маринатами и огурцами,
Славными въ русской землѣ, за которыми даже
Самъ покоритель Тавриды — Потемкинъ — курьеровъ
Изъ подъ очаковскихъ стѣнъ и изъ нашей Пальмиры
Въ городъ не разъ присылалъ, — но и славнымъ повсюду
Въ нашихъ мѣстахъ бакуномъ....

НИКОЛАЙ ГЕРБЕЛЬ.

Санктпетербургъ.
1851 г.